

Все ушли...

(Фрагменты сценария)

По сгнившей лестнице поднимается мужчина средних лет. Влажная пыль горчичного цвета осыпается с обламывающихся краев ступенек. Встревоженные муравьи, спасаясь, разбегаются в разные стороны. Мужчина достает из кармана бронзовый ключ, открывает массивный замок. Входит в дом, исчезает в темноте. Лишь небольшое бледное пятно солнечного цвета освещает порог приоткрытой двери. Из комнаты доносятся звуки шагов. Мужчина открывает ставни, солнечный свет осторожно вливается в дом, освещая пустые комнаты. Оставшийся включенным холодильник — единственное, что осталось живое в доме. Мужчина открыл пустой холодильник, заросший льдом. С крыши соседнего дома на веранду запрыгивает пушистая белая кошка, не решаясь войти в дом, ложится в солнечное пятно. Мужчина ходит по комнатам. Сквозь широкие трещины в стенах тихо завывают сквозняки-плакальщицы. Тяжело дышит разросшаяся серая паутина на стенах. Мужчина выходит на веранду, гладит дремлющую кошку.

Мужчина идет по узким улочкам небольшого южного городка. Входит на фуникулерную станцию, садится в маленький зеленый трамвайчик формы морской лодки.

Трамвайчик медленно поднимается в гору. Напротив мужчины сидят мальчик лет десяти и его бабушка. Мальчик держит большой, лилового цвета сачок, раздувающийся от порывов ветра. С интересом рассматривает сидящих в стеклянной банке бабочек. Открывает крышку, выпускает на волю бабочек.

Мужчина смотрит на порхающих бабочек, лиловый сачок, смеющегося мальчика, дремлющую бабушку, город, оставшийся внизу.

Возникает титр.
Все ушли...

Тот же городок. Зима.

Идет мокрый снег. Черепичные крыши домов, дымящиеся трубы, пустые улочки. В одном конце города — маленький монастырь. В другом — кладбище и церковь с покосившимся куполом.

Курд Рзо

Маленький одноэтажный дом. В застекленной галерее на полу, устланном старыми одеялами, стоят железные ящики-кассеты из-под молочных бутылок, обложенные кусками ватина и ваты. В ячеек лежат маленькие яйца. Комната залита густым, синим светом от медицинской лампы, висящей на длинном проводе. Стены увешаны пустыми клетками для птиц.

На табуретке сидит курд Рзо. Слезаясь глазами от старости смотрит на карту звездного неба, приклеенную к потолку. Слышно, как в тишине трескаются яйца.

Рзо медленно закрывает глаза.

Сон Рзо

По отвесной скале течет ручей. У подножия скалы стоит стол, заставленный кружками. Дети и подростки, набрав воду из ручья, выпивают.

Среди детей стоит Рзо, оглядываясь по сторонам, будто опасаясь кого-то, подходит к ручью, набирает в кружку воды, подносит ко рту, но кружка оказывается пустой. Он еще раз пытается набрать воду. К Рзо подходит мальчик двенадцати лет по имени Гарри.

ГАРРИ. Дедушка Рзо, вы так много воды пьете?

РЗО. Я даже глоток не могу выпить. Только наберу, а кружка опять пустая. Вот посмотрю.

Рзо подставляет кружку к ручью, она наполняется водой и тут же оказывается пустой: "Видишь?"

ГАРРИ. Хотите, я вам наберу воды?

РЗО. Конечно, хочу.

— Не надо! — раздается женский голос.

Рзо и Гарри оборачиваются. На лужайке сидят пожилые мужчина и женщина.

РЗО. Папа? Мама?

ОТЕЦ. Да, это мы, сынок. Иди к детям, Гарри.

МАТЬ. Все хочешь пить воду жизни? Хватит, сынок, ты ее достаточно выпил за свою жизнь.

ОТЕЦ. Скоро ты тоже придешь сюда. И мы очень хотим, чтобы ты был рядом с нами. Но на это воля Господа.

МАТЬ. Мы очень грешные. Ты же знаешь, что мы и наш город прокляты, на все времена.

ОТЕЦ. Покаяйся отцу Александру, прошу тебя, ты должен успеть.

РЗО. Я каждый день хожу в церковь, но прийти никак не могу. Меня кто-то не пускает войти.

МАТЬ. Я тебе скажу, кто не пускает войти тебя в церковь. На улице Поточной, в седьмом номере живет.

Раздаются громкие удары по стеклу. Они мешают услышать Рзо имя, которое называет мать.

РЗО. Мама, мама, повтори, я не слышу. Мать называет имя, но Рзо не слышит.

Розовые бабочки

Рзо, проснувшись, растерянно оглядывается по сторонам. Маленькие птички с лиловыми перьями летают по дому, сидят на клетках, мебели, на плечах и голове Рзо.

Рзо выглядывает в окно, на дворе весна. Возле его дома собралась большая толпа людей, возбужденно кричащих:

— Эй, Рзо, ты что, совсем выжил из ума?

— Посмотри, весна пришла.

— Сегодня одиннадцатое мая.

— Дай нам птиц, мы же можем не успеть.

— Если розовые бабочки влетят в город раньше, чем мы их встретим, несчастье может прийти в наши дома.

— Давай, Рзо, быстрее птиц!

РЗО. Простите, соседи, я заснул. Неужели я проспал всю зиму? Сейчас... Сейчас...

Он в поспешности снимает со стен клетку, сажает в них птиц, раздает жителям города.

Мужчины, женщины, старики, дети, держа в руках клетку с птицами, идут на окраину города, окружая его кольцом.

Серафима — пожилая, полная, седовласая женщина держит за руку внука Гарри.

ГАРРИ. Бабушка, мне очень жалко такую красивую птичку выпускать, лучше я ее домой отнесу.

Серафима. Эти птицы не для того появились на свет, чтобы в домах жить. Я тебе сто раз рассказывала, что в семь лет раз, одиннадцатого мая, к нам в город из Долины Коконов могут прилететь розовые бабочки, и если, не дай Бог, хоть одна залетит к кому-нибудь в дом, то горе и несчастье придут туда. Как это произошло с нашим домом. Предки нашего рода очень грешили и разгневали Бога.

ГАРРИ. А мама и папа из-за этих бабочек погибли?

Серафима. Ох, из-за них, проклятых. Когда я увидела их в спальне, подумала, вот чей-то конец пришел.

Серафима вспоминает

Утро. Серафима встает с кровати, подходит к окну, раздвинув шторы, вскрикивает от неожиданности.

Иосиф, проснувшись:

— Что случилось?

Серафима. Посмотри.

На тюлевой занавеске, медленно шевеля крылышками, одна на другой сидят две розовые бабочки: "Прилетели. Еще и рожать собирались".

Иосиф. Вай... Что делать?

Серафима. Я сейчас вернусь, только ты не вставай, чтобы не вспугнуть их.

Серафима выходит на кухню, взяв веник, возвращается в спальню, с размаху бьет по бабочкам. Они с оторванными крылышками замертво падают на пол.

Серафима. Прощу тебя, Иосиф, только никому не говори.

Окраина города. День.

ГАРРИ. Эх... Хотя бы бабочки прилетели! Знаешь, так хочется увидеть розовую бабочку, хоть раз в жизни. Тогда и птичку не жалко будет выпустить.

Серафима. Что же ты говоришь? Чтоб у тебя язык отсох! Замолчи сейчас же!

Гарри гримасничает, высунув язык.

Рзо смотрит на карту звездного неба, кричит: "Бабочки полетели в другую сторону, птиц можно выпускать!"

Жители города выпускают из клеток птиц.

ГАРРИ. Бабушка, я прошу тебя, разреши мне забрать птичку домой!

Серафима. Я кому сказала, выпускай! Гарри с сожалением открывает клетку.

Громко крича, птички кружат над городом.

Серафима. Гарри, пойдешь, найди дедушку. Куда он делся, что-то его давно нет нигде.

ГАРРИ. Ну что ты меня отвлекаешь, вот я из-за тебя свою птичку потерял.

Наступают сумерки, люди возвращаются в дома.

Дом Серафимы. Ночь.

В просторных комнатах старинная мебель, бронзовые люстры, на стенах висят персидские ковры, картины.

Гарри лежит в кровати.

Серафима. Спи, мой мальчик, ты сегодня устал.

ГАРРИ. Бабушка, а куда улетели птицы?

Серафима. Спроси об этом Рзо, он их вырашивает, наверное, он знает куда!

ГАРРИ. Расскажи еще раз про наших предков и как появились розовые бабочки.

Серафима. Хватит, ну сколько раз можно рассказывать об одном и том же.

ГАРРИ. Ну, пожалуйста, хоть чуточку расскажи.

Серафима. Ладно. Давным-давно на месте нашего города был дремучий лес. В лесу жил святой старец, по имени Ермолай. К нему из деревни приходила девушка, приносила хлеб. По дороге в лес была бойня, мясники закалывали скот и торговали мясом.

Гарри засыпает.

Сон Гарри

Девушка идет по лесу, подходит к скиту, стучится в дверь, на стук никто не отзывается.

Девушка входит в скит.

Старец Ермолай молится, стоя на коленях.

Девушка оставляет хлеб и тихо выходит.

Возвращается в деревню, проходя мимо бойни.

Мясники закалывают скот, разделяют туши, рубят мясо.

Увидев девушку, мясники перемигиваются между собой, преграждают дорогу девушке, хватают ее. Девушка кричит, пытается вырваться.

Мясники затыкают ей рот куском мяса. Девушку волокут, укладывают на огромный пен для рубки мяса, насилуют. Перед глазами святого Ермолая возникает видение, все, что мясники делают с девушкой.

Святой Ермолай, заливаясь слезами, призывает Бога: "Воззри с небес, Господи, что делают, оканянные язычники с чистой душой, невестой твоей. Услышь горький плач мой, Господи, покарай создания дьявольские, чтоб не видеть им света, чтоб жены их и дети и сестры и братья прокляты были в веках, чтоб рода их изживали себя".

Ночь. Девушка лежит на пне.

Ослепительно розовая молния озаряет округу.

В темноте тревожно блещут глаза животных.

Вдруг обнаженное тело девушки начинает медленно возноситься, сливаясь с розовым светом.

Утро. Мясники, придя на бойню, видят, как из разорванного платья девушки, оставшегося на пне, вылетают розовые бабочки. Их становится все больше и больше. Испуганные животные выламывают загоны, громко мыча, разбегаются в разные стороны.

Огромные стаи бабочек, облепляя пытающихся укрыться в лесу мясников. Обессиленные мясники замертво падают.

Дом Серафимы. Ночь.

Серафима тушит свет в комнате у спящего Гарри, выходит в гостиную.

На диване лежит Иосиф.

Серафима. Еще раз попросил рассказать о розовых бабочках.

Иосиф. Нашла время рассказывать такое на ночь.

Серафима. Иначе бы не заснул. — Раздается стук в дверь. — Кого это принесло среди ночи?

Иосиф. Сейчас посмотрю.

Выходит в коридор, открывает форточку на подъездной двери. На улице стоит Рзо с тележкой, груженной пустыми клетками.

РЗО. Извини, что беспокою. Я клетки собираю, что-то не спится мне.

Иосиф. Ничего. Рзо, подожди, сейчас принесу.

Иосиф входит в комнату, Серафима накрывает на стол ужин.

Серафима. Кто это пришел?

Иосиф. Рзо клетки собирает. Куда ты их дела?

Серафима. На кухню. Что он, утра не мог дожидаться?

Иосиф. Ладно, не ворчи. Возвращает клетки Рзо.

РЗО. Я хочу поговорить с тобой, Иосиф.

Иосиф. Уже поздно, все мы очень устали сегодня, завтра утром я буду у горбатого Миши. Если сможешь, приходи туда, там и поговорим.

РЗО. Хорошо, Иосиф, приду обязательно.

Дом Серафимы. Утро.

Серафима сидит на открытой веранде. Влажной зубной щеткой она макает в корбочку с зубным порошком, чистит белые парусиновые мужские туфли. На веранду выходит Иосиф, свежесбривший, в белом чесучовом костюме.

Серафима. Позавтракал?

Иосиф. Фасоль была кисшей.

Серафима. Не может быть.

Иосиф. Может. У меня живот лопается от громов.

Берет со стола туфли, надевает. Спускается по лестнице, оставляя на ступенях белые отпечатки подошв.

Улица. Утро.

Иосиф идет по мощенной серым булыжником улочке, отражаясь в большом овальном зеркале, изъеденном грибом сырости, висящим на фасаде дома кепочника горбатого Миши. На подоконнике-витрине в большом белом горшке лоснится фикус, вокруг стоят деревянные головы-болванки с натянутыми на них кепками "аэродром".

Горбатый Миша строчит на швейной машинке "ZINGER", разговаривая с Рзо.

Иосиф. Здравствуйте.

Миша. Здравствуйте, Иосиф, дорогой!

РЗО. Доброе утро, Иосиф. Миша-джан, а ну-ка, выбери мне весеннюю кепку!

Иосиф перед зеркалом примеряет белую кепку.

В зеркале отражается идущий по улице негр.

Миша. По-моему, точно села. У Сталина размер головы был такой же, как и у тебя, и мозги тоже.

Иосиф. За те добрые слова, что ты говоришь, чтобы у тебя всегда во рту сладко было.

Миша. Спасибо, Иосиф-джан.

РЗО. Я ждал тебя, Иосиф, как мы договорились.

Иосиф. Да, поговорим, только по дороге. Я в магазин иду. Счастливо, Миша!

Миша. Удачного дня!

РЗО. Иосиф, я чувствую, что жить мне осталось недолго. Не дожидать мне до следующего прилета бабочек.

Иосиф. Ты что это, умирать собрался?

РЗО. Мне каждую ночь снятся мои родители, говорят, скоро к нам придешь, а это к смерти.

Иосиф. Пойди к гадалке Нине, расскажи ей все, сбрось с себя эту тяжесть и забудь.

РЗО. Эх... Каждое утро хожу, а они все равно опять снятся. Я посмотрел по карте. Сейчас как раз то самое время года, когда весна уже ушла, а лето еще не пришло. В этот период Бог отдыхает, и как раз сны сбываются.

Такие сны называются прозрачные, в них виден конец. Почему я тебе все это говорю... В моем сне я все время вижу Гарри.

Иосиф. Что ты говоришь? Вай, как нехорошо.

РЗО. Не бойся, для твоего внука это неплохо, наверное, это знамение свыше. Я не боюсь смерти, я боюсь, что будет, если город вдруг без птиц останется, ты представляешь? Поэтому, Иосиф, прошу тебя, разреши мне научить Гарри выращивать птиц. Раз он снится мне, значит, он должен продолжить это дело.

Иосиф. Мне надо подумать и поговорить с Серафимой. Ты же знаешь, после смерти Ани и Жоры она стала всего бояться.

РЗО. Прощу тебя, уговори ее.

Иосиф. Ладно, постараюсь. До свидания. Иосиф входит в антикварный магазин.

Дом Серафимы. Утро.

Гарри заканчивает завтракать.

Серафима пристегивает к подкладке жилетки булавку с амулетом от сглаза. Гарри надевает жилетку.

ГАРРИ. Бабушка, я побежал.

Гарри бежит по лестницам, стараясь попать в белые отпечатки обуви, оставленные Иосифом. Серафима стоит на веранде, провожая внука.

Серафима. Гарри, ты опять забыл проносе!

Она отцепляет деревянную прищепку с белой веревки, бросает во двор. Гарри подбегает прищепку, выбегает на улицу.

Антикварный магазин. День.

Иосиф сидит за конторкой. За его спиной стоит Павлик — молодой человек славянской внешности.

Иосиф. Женщину, раскладывающую пакеты, купили?

Павлик. Да, хозяйин.

Иосиф. Малахитовую шкатулку уцени, давно стоит.

Павлик. Хорошо.

Иосиф. Гаремную ширму не продавай, я решил ее себе оставить.

Павлик. Хорошо.

Иосиф. Что-то покупателей маловато стало.

Павлик осторожно ставит перед Иосифом маленькую коробочку для драгоценностей.

Иосиф. Что это? — Открывает коробочку, на бархатной подушечке лежат бриллианты.

Экран и сцена —

